

О. Л. Улемнова  
(Казань)

### О Дмитрие Одинце и его коллекции живописи

В 1966 г. на рассмотрение фондово-закупочной комиссии Музея изобразительных искусств Татарии<sup>1</sup> Анной Кирилловной Одинец была представлена небольшая коллекция из живописных и графических произведений русских художников эмигрантов Павла Мансурова, Николая Макеева, Берты Лазаревой и французских художников К. и Ф. Оливеда. Комиссией, возглавляемой Г. А. Могильниковой, было принято решение о закупке произведений. Предложенная за них сумма составила 100 рублей.

Анна Кирилловна была вдовой Дмитрия Михайловича Одинца, репатрианта, волею судеб оказавшегося в Казани в 1948 г. Д. М. Одинец родился 25 декабря 1882 г. в Санкт-Петербурге. Он был заметной фигурой российской научной, общественной и политической жизни в революционной России и в кругах русской парижской эмиграции в 1920—1940-е гг. Его активная деятельность началась еще в дореволюционной России. Окончивший в 1907 г. юридический факультет С.-Петербургского университета, он занимался историей русского права. Работал в С.-Петербургском университете, в Психоневрологическом институте, читал лекции на Раевских курсах, директорствовал в мужской гимназии Столбцова в Петербурге, председательствовал в учебном отделе Петроградского общества народных университетов.

С 1917 г. Одинец — активный член Трудовой народно-социалистической партии, организатор и главный руководитель Киевского отдела этой партии, министр по великорусским делам в Киеве по назначению Временного правительства, член Генерального секретариата Украинской Центральной рады, секретарь по делам великорусской нации при С. Петлюре,

---

<sup>1</sup> С 1991 г. — Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан.

покинувший этот пост после провозглашения гетманства. Принимал участие в белом движении на Юге России, поступив добровольцем-пулеметчиком в армию А. И. Деникина уже в период, когда было очевидно ее поражение.

С 1921 г. Д. М. Одинец жил в Париже, был членом, затем секретарем, товарищем председателя и генеральным секретарем Русского академического союза, одним из основателей и активных деятелей (товарищ председателя, секретарь, член правления) Русского народного университета, основателем и членом правления Союза русских преподавателей во Франции, активным членом Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. В 1920-е гг. был председателем землячества юго-запада России в Париже, в 1930-е — секретарем Киевского землячества. Читал лекции по истории России и русского права в Парижском университете, Франко-русском институте социальных, политических и юридических наук, Русском народном университете. Состоял членом правления и в 1933—1937 гг. председателем правления Тургеневской библиотеки, принимал активное участие в попытках спасти библиотеку от вывоза ее в Германию в 1940 г.<sup>2</sup> Сотрудничал с газетами «Последние новости», «Новая Россия»... et cetera, et cetera. Перечень должностей и исполняемых обязанностей Одинца занимает не одну страницу. Основными источниками для его биографии послужили его личный архив, переданный вдовой в 1965 г. в Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского университета<sup>3</sup>, книги Н. Берберовой<sup>4</sup> и, главным образом, словарь А. И. Серкова «Русское масонство»<sup>5</sup>.

С 1925 (1926) г. Одинец состоял членом масонской ложи «Северная звезда», работавшей в Союзе Великого Востока Франции. Членом этой же ложи с 1926 г. был Николай Макеев<sup>6</sup>. Сейчас достаточно хорошо известна роль русского масонства в XX в.: если в начале столетия оно играло значимую политическую роль, внося свой вклад в создание и развитие революционной ситуации, то в период эмиграции русские масонские ложи стали в большей степени центрами общения, моральной и материальной поддержки соотечественников. В частности, ложа «Северная

---

<sup>2</sup> Берберова Н. Н. Конец Тургеневской библиотеки // Биянкурские праздники. Рассказы в изгнании. М. 1999. С. 432—438.

<sup>3</sup> Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского (далее — ОРРК НБЛ). Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 1—70.

<sup>4</sup> Берберова Н. Н. 1) Курсив мой. Автобиография. М., 1999. С. 682; 2) Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М.; Харьков, 1999. С. 185.

<sup>5</sup> Серков А. И. Русское масонство. 1731—2000: Энциклопедический словарь. М. 2001. С. 603—604.

<sup>6</sup> Там же. С. 1191.

звезда» в 1931 г. основала артельное товарищество «Бухгалтерский кабинет Мабо» для организации разнообразных видов работ: юридической консультации, размножения на ротаторе, ремонта и пр.<sup>7</sup>

В архиве Одинца в Казанском университете хранится уникальный документ — протокол масонского заседания, состоявшегося на rue de l'Yvette 18 августа (год неизвестен), на котором присутствовали братья А. С. Альперин, П. А. Бурьшкин, М. И. Кавинтович, И. А. Кривошеин, П. Н. Переверзев, а Д. М. Одинец прочел доклад на тему «Кто и что поддерживает власть Сталина в СССР»<sup>8</sup>. При всем неприятии большевизма и тирании Сталина, во многом базирующейся, по его мнению, на бюрократии, Одинец считал политически возможной деятельность интеллигенции в России, расходясь в этом с большинством представителей русской парижской эмиграции. Уже в начале Второй мировой войны Одинец понимал, что война между Советской Россией и Германией неизбежна, несмотря на заключенный мирный договор, и решил вернуться на родину, считая, что как русский патриот должен быть в России в критический для нее период. С этой целью он еще до нападения Германии на СССР посетил советское посольство в Париже, но в возвращении тогда ему было отказано.

Сразу после оккупации Парижа Одинец был арестован немецкими властями и препровожден в концентрационный лагерь в Компьене. Источником сведений о его пребывании там служит запись интервью, взятого у него в Париже 4 октября 1946 г.<sup>9</sup>. Неукротимая организаторская натура Одинца способствовала налаживанию культурной жизни и в лагере: в своей секции, где было пять русских и два французских профессора, он инициировал чтение лекций, изучение иностранных языков, еженедельные концерты. Благодаря наличию в рядах заключенных художника, одно из помещений было оформлено как церковь, службы в которой проводили три оказавшихся в лагере священника. Благодарность заключенных отражена в двух документах из архива Одинца. Один из них — памятный листок с рисунком, изображающим территорию лагеря, благодарственной надписью «Дорогому Димитрию Михайловичу на память о „Народном Университете Front Stalag 122“» и подписями более 100 человек, среди которых кн. Романовский, граф Игнатъев, иерей Константин и др.<sup>10</sup> Другой листок подписан сокамерниками в июле 1941 г.: «Дорогому Дмитрию Михайловичу Одинцу на память о дружно переживаемых днях общей беды, скрашиваемых его энергичной деятельностью

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> ОРРК НБЛ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 57.

<sup>9</sup> Интернет-ресурс: <http://voices.iit.edu/frames...Interviews>.

<sup>10</sup> ОРРК НБЛ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 2. Приводится в современной орфографии.

и язвительным языком»<sup>11</sup>. Эпиграф этого листка: «Энергия творящего да не оскудеет» — может служить девизом всей деятельной жизни профессора.

Тяжело заболевший в лагере Одинец был отправлен в Париж в больницу Val de Grasse. Проведя в заключении 10 месяцев, он был выпущен на волю и остальные годы оккупации находился под контролем немецких властей. В 1944 г. в составе делегации русских эмигрантов Одинец посетил советского посла А. Богомолова с поздравлениями по поводу успехов СССР в войне. С 1944 г. Одинец был членом Союза русских патриотов, председателем его культурно-просветительной комиссии, в 1947 г. — председателем этого Союза. В 1945–1947 гг. работал редактором газеты «Русский патриот», затем «Советский патриот». Эта его деятельность не было понята и принята эмигрантскими кругами. В 1946 г. он был забаллотирован при выборах в правление Союза писателей и журналистов, его просьба о реинтеграции в Ложу была отклонена.

В 1946 г. Одинец получил советское гражданство. В марте 1948 г. он как председатель Союза советских патриотов был арестован и депортирован в советскую оккупационную зону Германии. С 1948 г. жил в Казани, преподавал латинский язык на кафедре истории СССР Казанского государственного университета. Умер 10 мая 1950 г. там же. Его вдова Анна Кирилловна еще долго жила в предоставленной им квартире в здании университета, умерла 29 мая 1980 г.

В 1920–1930-е гг. Д. М. Одинец был активно включен в культурную и художественную жизнь русской эмиграции, являясь членом Кружка русской культуры, выступая с докладами в Тургеневском артистическом обществе, общаясь с писателями и художниками. Свидетельствами этой стороны жизни Одинца и его семьи является их небольшая художественная коллекция, формировавшаяся большей частью из даров художников профессору и его жене, что указано в документах поступления в музей и на отдельных работах. Лишь о картине Мансурова не сказано, что она является подарком художника, а только то, что она поступила от автора. Возможно, это одна из немногих работ, купленных Одинцами для поддержки нуждавшегося живописца.

Художественные произведения этой коллекции говорят не только о личных вкусах Одинца и его жены, но и отражают важные взаимосвязи внутри русских эмигрантских кругов в Париже — дружеские, общественные, политические, указывают на то, что русские и французы в Париже были открыты для общения друг с другом.

---

<sup>11</sup> Там же. Л. 1. Приводится в современной орфографии.

Имя Павла Мансурова сейчас хорошо известно, он входит в плеяду признанных мастеров абстракционизма, ему посвящена обширная библиография. Тем не менее казанская работа, до недавних пор не известная специалистам, является достойным дополнением творческого наследия художника. Она стоит в одном ряду с фруктовыми натюрмортами конца 1920-х — начала 1930-х гг, опубликованными в каталоге выставки Мансурова 1995 г. в Ницце и Петербурге<sup>12</sup>, развивая намеченные в них идеи. Казанский натюрморт с персиками написан на холсте значительно большего размера, разнообразнее по колориту, сложнее композиционно.

Имена других художников, представленных в коллекции, пока мало известны. По сути, ни творчество Н. Макеева, ни творчество Б. Лазаревой еще не введены в оборот художественной жизни России, их имен пока нет в справочниках, посвященных художественной эмиграции, скорее всего их работ нет и в российских музейных собраниях. Сведения о них пришлось собирать по крупицам, пользуясь литературой, доступной в Казани, где, к сожалению, нет эмигрантских изданий, которые могли бы значительно расширить материал, а также интернет-ресурсами.

Самые общие и некоторые частные сведения о Николае Макееве, человеке разносторонних дарований, приводит в своих книгах «Курсив мой. Автобиография» и «Люди и ложи» Нина Берберова. С 1936 по 1947 гг. их связывали супружеские узы, для обоих этот брак был вторым и, несмотря на развод, оставил в каждом теплые чувства. Наиболее полные и точные биографические сведения о Макееве указаны в энциклопедическом словаре А. И. Серкова «Русское масонство»<sup>13</sup>.

Николай Васильевич Макеев родился 19 ноября 1887 г. в Иваново-Вознесенске, умер в 1975 г. во Франции в г. Иер<sup>14</sup>. Учился на филологическом факультете Московского университета, по окончании оставлен на кафедре философии, получил степень доктора философии и истории. Член партии социалистов-революционеров. В 1917 г. был избран в Учредительное собрание по Владимирскому избирательному округу по списку Съезда крестьянских депутатов и социалистов-революционеров. Эмигрировал после 1917 г., жил в Лондоне и Париже. В 1918 г. сменил на посту председателя главного комитета Земгора (Земского и городского союза) князя Г. Е. Львова, в 1919—1921 гг. был секретарем

<sup>12</sup> Павел Мансуров. Петроградский авангард. Музей современного искусства в Ницце 30 июня — 15 октября 1995. Государственный Русский музей в Санкт-Петербурге. 1 ноября — конец декабря 1995. СПб., 1995. С. 146—147 (воспр.), 201, № 103, 104.

<sup>13</sup> Серков А. И. Русское масонство. С. 509.

<sup>14</sup> Н. Берберова приводит иные даты: 1889—1974, но ее сведения не всегда отличаются точностью.

Г. Е. Львова. В Лондоне входил в культурно-просветительскую комиссию при Русской академической группе, читал лекции в Русском народном университете. В 1921—1922 гг. состоял членом Лондонского Российского общественного комитета помощи голодающим в России. Работал журналистом, сотрудничал в изданиях «Дни», «Современные записки». Автор книги «Russia» (Нью-Йорк: изд. Scribner, 1925). Был художником. Берберова пишет о том, что в 1930-х гг. он выставлял свои картины в парижском Салоне<sup>15</sup>.

В издании «Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917—1999» есть сведения о художнице Лазаревой Берте Абрамовне: родилась в 1889 г., умерла 3 декабря 1975 г. в Париже<sup>16</sup>, была сначала генеральным секретарем, а затем почетным председателем Очага для еврейских беженцев. Она ли является автором работы из казанского собрания, сказать со всей определенностью пока сложно. Хотя вряд ли в довольно узких эмигрантских кругах жили в одно и то же время две художницы с одинаковыми именами и фамилиями.

Упоминание о французской художнице Кристиане Оливеда пока удалось обнаружить лишь в опубликованном в Интернете реестре архива Жака Дусе (Jacques Doucet), хранящемся в Библиотеке Национального института истории искусства (Institut national d'histoire de l'art — INHA) среди так называемых Зеленых картонных коробок (Cartons verts), состоящих из более 42 000 приглашений на выставки и вернисажи, проспектов и брошюр (собранных с 1865 г.).

Другая работа из коллекции, приписанная ей, имеет не очень разборчивую подпись, в которой отчетливо прочитывается инициал «F». Интернет-ресурс помог найти ссылку на F. Oliveda, автора «Общего свода законов Французской Экваториальной Африки...», вышедшей в Браззавиле в 1922 г.<sup>17</sup>, что можно соотнести с алжирским этюдом Кристианы Оливеда и предположить родство двух авторов и совместное присутствие во французской колонии в 1920-е гг.

Названные художники принадлежат к той когорте малоизвестных творцов, которая формирует художественную среду и отражает самые общие тенденции своего времени. Их произведения, не претендующие на поиски новых форм в искусстве, на философское осмысление мира,

---

<sup>15</sup> Берберова Н. Н. Курсив мой. С. 433.

<sup>16</sup> Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917—1999: В 6 т. Т. 4. М., 2004. С. 30.

<sup>17</sup> Gouvernement generale de l'Afrique Equatoriale Francaise, Repertoire generale de la legislation de l'Afrique Equatoriale Francaise: (releve des texts inseres au Journal Officiel de la Colonie depuis le 1<sup>er</sup> numero 18 juin 1887 au 31 decembre 1921) / Oliveda? A. Brazzaville? 1922/ 706 Bl. // [www.bookmaps.de](http://www.bookmaps.de).

становятся своеобразными художественно-документальными свидетельствами жизни «обыкновенного» человека.

В красных крышах небольших домов, утопающих в зелени садов парижского предместья, на картоне Н. Макеева можно увидеть прообраз Лонгшена, местечка под Парижем, где художник поселился вместе с Ниной Берберовой в 1938 г. и где они смогли пережить трудные годы войны, помогая своим друзьям, в том числе семье Одинцов.

На холсте Ф. Оливеды, изображающем юго-западную часть окрестностей Парижа, так похожих друг на друга своими красно-черепичными крышами и садами, пейзаж населен согнувшимися над огородными грядками крестьянками, играющими на траве детьми, идущими по тропинке женщинами.

Полотно Берты Лазаревой зафиксировало интерьер гостиной дома в Реймсе, возможно, квартиры самой художницы: скромная обстановка буржуазного дома, на стене висят портреты тяжеловесных женщин, видна часть камина с висящей над ним большой картиной, в высокое французское окно открывается вид на город.

Алжирский этюд Кристианы Оливеда вводит зрителя в хорошо знакомый французам мир африканских колоний.

Натюрморт Мансурова, изображающий персики, завернутые в хрустящую бумагу, лежащие в картонной коробке с фирменной наклейкой на открытой крышке, тоже отражает бытовую культуру Франции.

Все эти работы, выполненные с большей или меньшей степенью профессионализма, укладываются в рамки традиционного понимания изобразительности, возвращавшего в конце 1920-х гг. утраченные были позиции и обогащенного пластическими находками европейского авангарда.

Почему состоялась закупка эмигрантской коллекции Одинцов во времена, когда «оттепель» начала сменяться «зреющим» социализмом, когда уже опустился «железный занавес», когда опять начались гонения на «формализм» в искусстве, когда музейщикам приходилось, рискуя своей карьерой, а может, и свободой, спасать от «списания» (читайте: «уничтожения») произведения русских авангардистов 1910-х гг. из музейных собраний, сейчас установить сложно. Вряд ли это была неосведомленность, скорее — акт гражданской и искусствоведческой отваги. Ведь именно казанские искусствоведы — Г. А. Могильникова, А. И. Новицкий — в 1958 г. вернули Родине имя и творчество Николая Фешина, одного из крупнейших русских художников XX в., жившего с 1923 г. в Америке.

Во всяком случае, работы парижских эмигрантов оказались в собрании Казанского музея изобразительных искусств. Разделенные по разным хранениям — от татарской графики (sic!) до западной живописи, они провели

в них без движения почти 40 лет. Только в 2003 г. на выставке казанского современного авангарда в «историческом» разделе, посвященном началу 1920-х гг.в, впервые был показан натюрморт Павла Мансурова<sup>18</sup>. Экспонируемая работа относилась к более позднему, парижскому периоду, когда Мансуров вынужденно пробовал себя в области фигуративной живописи, но необходимо было обозначить само его имя. Ведь зимой 1920–1921 гг. Мансуров вел в казанском АРХУМАСе<sup>19</sup> мастерскую живописи, увлекая казанскую молодежь беспредметным искусством. В собрании музея нет произведений Мансурова казанского периода, скорее всего их нет и в частных казанских коллекциях, во всяком случае, таковые до сих пор неизвестны. Наверное, парижские «персики» Мансурова проделали столь долгий и окольный путь в Казань, чтобы восполнить этот пробел.

### Каталог коллекции Д. М. Одинца в собрании Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан

1. Лазарева Берта (Абрамовна) (?). 1889–1975.  
Интерьер гостиной дома в Реймсе. (Интерьер)<sup>20</sup>. 1931.  
Холст, масло. 100×61.  
Справа внизу подпись: В. Lasareff.  
Ж–1473.
2. Макеев Николай Васильевич. 1887–1975.  
Окрестности Парижа. (Пейзаж.) 1931.  
Картон, масло. 37,5×45,5.  
Справа внизу подпись: N. Makeev. 31. На обороте надпись чернилами: Nicholas V. Makeev. 11 rue Claude Lorrain Paris 16e.  
Г–1104.
3. Мансуров Павел Андреевич. 1896–1983.  
Натюрморт. Персики. [Нач.1930-х.]  
Холст, масло. 49,7×60.

---

<sup>18</sup> В 2005 г. натюрморт Мансурова экспонировался на выставке «АРХУМАС: казанский авангард 20-х» в Москве, в галерее «Арт-Диваж» и в Казани. Опубликован в каталоге выставки: АРХУМАС: казанский авангард 20-х. Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан, г. Казань, Галерея «Арт-Диваж», г. Москва. 28 апреля — 6 июня 2005 / Сост. и текст И. И. Галеева, О. Л. Улемновой. М., 2005. С. 35, 130.

<sup>19</sup> АРХУМАС — Казанские архитектурно-художественные мастерские, в начале 1920-х гг. одно из названий бывшей Казанской художественной школы, претерпевшей в 1920–1930-е гг. ряд реорганизаций и переименований.

<sup>20</sup> Названия работ даны в соответствии с документами поступления 1966 г., не отраженными в инвентарных книгах музея. В круглых скобках — названия по инвентарю. В прямых скобках — даты, определенные автором статьи (сами работы не датированы).

Слева внизу подпись: P. Mansouroff.

Ж–3488.

Реставрирован в 2005 Н. М. Савельевой (реставратор 1-й категории ГМИИ РТ).

4. Оливеда Кристиана — Oliveda, Christiane.

Этюд. Алжир. (Пейзаж со строениями.) [1920-е.]

Картон, темпера. 32,5×49,5.

Справа внизу черной тушью подпись: С. Oliveda. На паспарту надпись: à madame Odinetz avec l'amitié sincère de Christiane Oliveda<sup>21</sup>.

Ж–1348.

5. Оливеда Ф. — Oliveda F.

Пейзаж юго-западной части окрестностей Парижа. (Пейзаж. Летний день.) [1930-е.].

Холст, масло. 50×61.

Справа внизу: F. Oliveda.

Ж–3285.

---

<sup>21</sup> «Мадам Одинец с искренней дружбой от Кристианы Оливеда» (франц.).



Д. М. Одинец. Фотография из личного архива Д. М. Одинца



Н. В. Макеев. Окрестности Парижа. 1931



П. А. Мансуров. Натюрморт. Персики. Нач.1930-х



Б. Лазарева. Интерьер гостиной дома в Реймсе. 1931



К. Оливеда. Этюд. Алжир. (Пейзаж со строениями). 1920-е



Ф. Оливеда. Пейзаж юго-западной части окрестностей Парижа.  
(Летний день). 1930-е